

Как мы сообщали в "Труде" за 26 мая с.г. Александр Исаевич Солженицын любезно предоставил нашей газете два фрагмента из своей новой двухсотстраничной публицистической книги "Россия в обвале", которую подготовило издательство "Русский путь". В ближайшее время она будет выпущена в свет. Новая книга нобелевского лауреата посвящена самым актуальным вопросам, стоящим сегодня перед страной и обществом. В начале этой недели в "Труде" был напечатан первый фрагмент — "Судьба земли". Второй мы публикуем сегодня.

Я убежденный противник "пан-славизма": это всегда был для России замах не по силам. Никогда я не одобрял нашего пожелания о судьбе славян западных (жесткая ошибка Александра I с присоединением Польши, да и у Чехии далекий от нас путь) или южных, где за нашу опеку и жертвы мы получали либо неблагодарность, как в Болгарии, либо встречали в необязательную для нас, но губительную войну, как из-за Сербии.

Однако не могу отнестись без пронзающей горечи к искусственному разрыву славянства восточного. Вмг разрезаны миллионы и миллионы семейных, родственных и дружеских связей. Разруб этот произведен беспечным, небрежным махом нашей ново-демократической власти. Но — и по обреченной пассивности нынешнего русского народа; и его 12-миллионной части, живущей на Украине, и вдвое большего числа тех на Украине, кто своим родным языком в последнюю перепись (1989) заявил — русский. Легко дали себя убедить, что от разделения с Россией им станет сытней ("колбасней").

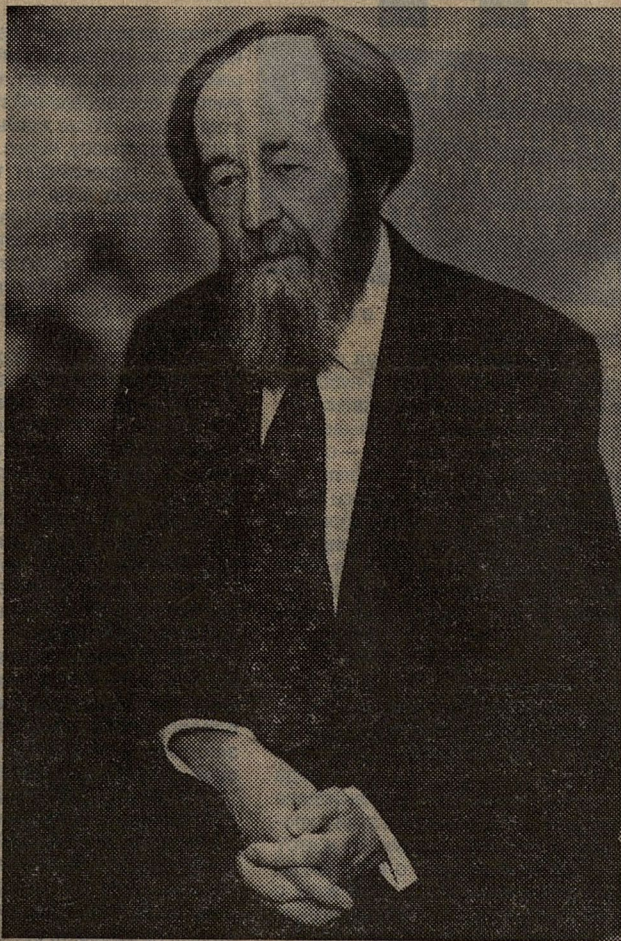
О т самых первых шагов создания украинского государства там раздвинулась — для укрепления политических рядов — мнимая военная угроза от России. Когда начала формироваться украинская армия — от офицеров при принятии присяги требовали заявить особую готовность воевать именно против России. Угроза войны так жаждалась ими (для укрепления слишком еще разброжденного "украинского сознания"), что достаточно было России заявить лишь о намерении продавать нефть не по дешевке, а по мировым ценам, — с Украины грозно откликались: "Это — война!" (Кучма, 1993: "Никакая экономика не выдержит, если нефть покупать по мировым ценам.")

И во все 1992 — 98 годы не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в который украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских "прозрачных границ", "неразрывности русско-украинского союза" — до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, все далее отступала, только отступала. Постоянно (и поныне) уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны. И жертвовала, голова за головой, командующими Черноморским флотом — непреклонными адмиралами Касатоновым, Балтиным. После очередного уступчивого соглашения мы услышали (9.6.95): "Я поздравляю Украину, Россию и весь мир!" Украину — конечно, и весь мир — несомненно, но — с чем была поздравлена Россия?.. Украина уже так явно вытесняет нас с Черного моря! И новейший вид "неформальных встреч" (вид дипломатии, отодвигающий нас в феодализм) еще дальше усугубил уступки России.

С о многими украинскими националистами я сидел в лагере в 50-е годы и понимал так, что мы с ними в искреннем союзе против коммунизма (слова "москаль" мы от них не слышали тогда). В 70-е годы в Канаде и в Соединенных Штатах, где велик массив украинской эмиграции, я наивно попытался у них: а почему они нисколько не выступают против коммунизма, ничего не делают против него, — но так остро

СЛАВЯНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Александр Солженицын:

высказываются против России? Наверно, потому что лишь годы спустя узнал, что пресловутый американский закон 86-90 "о порабощенных нациях" был искаженно сформулирован против русских и подложен американскому Конгрессу именно украинскими националистами (конгрессмен Л.Добрянский).

По мере того как украинские националисты разворачивали свою идеологию, в ней брали верх самые дикие крайности трактовки и призывов. Мы узнали, что украинская нация — это "сверхнация", она настолько уходит в тысячелетние глубины веков, что украинцем был не только Владимир Святой, но даже, по видимости, и Гомер, — и в подобном духе комично переделываются школьные учебники на Украине, ибо украинский национализм, при столь явном меньшинстве этих националистов, напорно возводится в идеологию всей Украины. "Украина для украинцев" — это уж самое несомненное (хотя на Украине живут десятки народов), но и: "Киевская Русь — до Урала!" Русские отлучаются и от славянства как "монголо-финский гибрид". Созданный теперь в Одессе Институт национальной геополитики носит имя (Юрий Липа) автора книги "Раздел России", еще в 1941 предположившего программу: "Россию

можно сокрушить только в союзе Украины с Кавказом и Закавказьем." В духе этого в 1992 украинскими националистами открыто праздновался во Львове юбилей гитлеровской дивизии СС "Галиция" (и это не вызвало упреков, возмущения от Соединенных Штатов). На их конференции, 1990: "Мы исповедуем культ силы, сила — это все!" Для того Украинская Национальная Ассамблея (УНА) имеет свои штурмовые отряды (УНСО) и лозунг: "УНА — до власти", УНСО — до штурма!" На Конгрессе 1994: "Поддерживать региональный сепаратизм в России для развала ее!" ("Аргументы и факты", 26.6.1994.)

И такая антирусская позиция Украины — это как раз то, что и нужно

нейшей в Европе. И новая Украина, денонсировав все советское законодательное наследие, только этот один дар — фальшиво измысленные ленинские границы — приняла! (Когда Хмельницкий присоединял Украину к России, Украина составляла лишь одну пятую часть сегодняшней территории.)

В самостоятельном развитии — дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелятельная ошибка ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две Донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь — Херсон — Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно,

присвоение Севастополя вопреки, не говоря, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство.) Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будущей постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 % населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: *Нахвтанное — ребром выпрет.*

А чтобы поднять украинскую культуру до уровня международной — сколько еще десятилетий понадобится. Так поднимать, чтоб украинские ученые не нуждались писать свои работы по-русски, если рассчитывают на иностранные переводы. Именно потому, что я испытываю к Украине самое родственное чувство, люблю ее, — я так же не желаю ей "державного" развития, как не желаю и России. (На ту же неподъемность культурных задач напорется и "державный" Казахстан.)

У же сейчас украинские власти выбрали путь усиленного притеснения русского языка. Ему не только отказали стать вторым официальным государственным, но его энергично вытесняют из радиовещания, телевидения, из печати. В десятки раз удорожают подписные цены на российские издания. Идут чередой должностные увольнения за невладение украинским. В вузах от вступительного экзамена до дипломного проекта — все только по-украински, а коли терминологии не хватает — выкручивайся. Из школьных учебных программ русский язык — где исключают нацело, где сводят до "иностранного", до факультативного; полностью исключили историю Российской государственности, а из программы по литературе — едва ли не всю русскую классику. Звучат такие обвинения, как "лингвистическая российская агрессия" и "русифицированные украинцы — пятая колонна". Так — начинается не с методического подъяема украинской культуры, а с подавления русской. Дошло до попыток языкового самобегства: перевести украинский язык на латинский шрифт, насмешка надо всей украинской истории.

И упорно теснят Украинскую православную Церковь, ту, что осталась верна Московской Патриархии, с ее 70 % украинских православных.

В сегодняшней Украине нельзя и голоса поднять за ее федеративное устройство, с такой безоглядной щедростью принятое в России: сразу выступает призрак автономного Крыма, автономного Донбасса. (О русинах Закарпатья, с их стойкими русскими корнями, мы уже и думать забыли.) Если бы не кровавая затея чеченской войны — Москва в годы острых крымских кризисов, может быть (может быть?), имела бы мужество и вес поддержать законные требования крымчан (их — 80 % голосовало за независимость полуострова), но от Чечни — онемела и предала надежды Крыма. (УНСО ответила крымчанам: "Крым будет украинским или безлюдным!") Между тем активисты-националисты с энтузиазмом ехали воевать на чеченской стороне, теперь готовят памятник Дудаеву и даже, при жизни, Басаеву.)

Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту беззольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершенно нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя. И теперь на долгое обозримое время ближайшим поколениям с этим придется примириться.

Н ет, не будем подражать украинским националистам ни в истерических угрозах, ни в ненависти. Не надо никак отвечать на их накаленную "антимоскальскую" пропаганду. Надо переждать ее как вид душевного заболевания. Не надо с нашей стороны делать пустых угрожающих заявлений — это горячая пища для них. Их отрезвит сам ход Времени, сам многоемкий, своенравный исторический процесс. И никакие их проклятия не отвратят наших сердец от святого Киева, источника и самих великороссов, — Киева, где и сегодня неистребимо звучит русская речь и не замолкнет. Будем сохранять теплое чувство единого треславянского народа: "А вы, украинцы, как и белорусы, — все равно наши братья!" И надо широкодушно предложить Украине интенсивный "культурный обмен". (Националисты отшатнутся? Тем и покажут, что русский язык и русская культура — их Державе опаснее всяких ракет.)

Лучше терпеливо посоревнуемся, какая из разорванных славянских стран даст благополучную жизнь своему народу. А перед каждой стелется долгий, невылазно тяжелый и пока не проблескивающий путь.

Между тем — годы текут. Для молодых людей каждый год — эпоха. Что делать молодым русским на Украине? Из России — поддержки никакой, и не будет. Видно, покориться? и менять язык, менять национальность? Вот о них сердце болит. (А простые русские семьи на Украине справедливо рады: хоть не нашим детям воевать в Чечне.)

З амаячившее воссоединение Белоруссии с Россией — стало бы счастливым продолжением исторической восточнославянской традиции. Но ощутимые международные силы будут резко мешать этому — и государственному, и пропагандным давлением, и денежными потоками. И российская пресса, как по единой команде, до непристойности набросилась на первую завязь русско-белорусского союза. Сколько мы слышали о подавлении прав в Белоруссии — и ни звука о таких же на Украине, о много худших в Казахстане, — а на самих же себя оглянуться: неужели миллионы российских граждан имеют реальные права? Что ж вы о них не воскликнете?

А кроме того (уж исключая все личные схватки за посты), воссоединению будет препятствовать и принятое сейчас в России федеративное устройство: оно весьма усложняет создание федерации второго этапа. Сживлять — это не разрубивать.

По вопросам приобретения книги обращаться по телефону: 915-10-47.

29.05.98

Солженицын Александр